

На правах рукописи

Бондарев Александр Геннадьевич

Чеховский миф в современной поэзии

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск 2008

Работа выполнена на кафедре отечественной и зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Собенников Анатолий Самуилович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Шатин Юрий Васильевич**
кандидат филологических наук **Журавлева Анастасия Александровна**

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 23 марта 2009 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан «   » февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном литературоведении понятие миф является одним из самых дискуссионных. Однозначное осмысление мифа невозможно, так как проблемное поле этого понятия охватывает самый широкий спектр наук. В XX веке миф стал неотъемлемой единицей научной области психологии, социологии, философии, политологии, что добавляет ему новые смысловые категории. Литературоведческий дискурс не является исключением. Сегодня миф в литературоведении не является только видом древнего архаического мышления, границы этого понятия не остались в пределах индивидуально-авторского сознания, миф существует в пространстве между художественным текстом и сознанием воспринимающих его носителей культуры.

В конце XX века в русской культуре начинает изменяться отношение к пантеону русской классической литературы. Это связано с огромным распространением массовой литературы, которая нивелирует и мифологизирует образы русских классиков. Наряду с пушкинским мифом, миф чеховский является одним из самых значимых явлений русской литературы и культуры. Писательский миф возникает на основе огромного количества легенд вокруг жизни и творческой деятельности той или иной личности. Чеховский миф, в отличие от пушкинского, который во многом стремится «объяснить гениальность», выполняет дидактическую функцию. Поэзия, как самый «народный» род литературы, является наиболее частотным пользователем мифа. Мифологическое искажение личности и творчества Чехова включает в себя агиографический компонент, «подгонку» под определенные сюжетные линии и сценарии, и «культ личности» как один из главных сопроводителей писательского мифа. «“Культовый потенциал” писателя – это “набор” биографических и творческих фактов, которые при определенном стечении обстоятельств вызывают распространение поклонения своему носителю (его памяти)»¹ Однако сформировавшийся писательский миф является причиной попыток его «разоблачений». В современной поэзии процессы мифологизации и демифологизации идут параллельно. В работе мы учитываем, что чеховский миф иногда становится частью более масштабных мифов: мифа о русской интеллигенции и мифа о Великой русской литературе.

Безусловно, исследование литературного творчества в рецептивном аспекте связано с социологией. Рецептивная эстетика связана с именами У. Эко, Х.Г. Гадамера, Р. Ингардена, Х.Р. Яусса и других исследователей, поднимавших проблему «читателя». Актуализация культурной памяти предполагает наличие в художественном тексте «рецептора», «ссылки в свернутом виде». Рецептивная эстетика вводит в сферу исследования читателя и обще-

---

¹ Загидуллина М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): Автореф. дис. докт. филол. наук/ Загидуллина М.В. – Екатеринбург, 2002. – С.16

ство, представляя литературный текст как продукт исторической ситуации, зависящей от позиции интерпретирующего читателя. Анализ произведения основан на особенностях восприятия в конкретно-исторической ситуации и формах бытования классического текста. Миф о писателе создается читателями, поэтому мифологический и рецептивный методы исследования в работе тесно взаимосвязаны.

Общественные мифы включают в себя не только литературное воплощение, но и празднования юбилеев, музейную жизнь классика и многое другое вплоть до кафе «Три сестры», настойки «Вишневый сад» и продукции торговой марки «Дядя Ваня». Для выявления «рецептивного остатка» требуются статистические исследования. В нашей работе мы предполагаем сделать акцент на мифологических редукциях чеховского художественного творчества. Собранный поэтический материал уже позволяет сделать статистические выводы о частотности чеховских мифологем в современности. В работе мы будем пользоваться литературоведческими методами исследования. Благодаря вышеперечисленному, мы предполагаем, что диссертационное исследование будет иметь литературно-аналитический характер и малую степень описательности. Чеховский миф приобрел аксиоматическую легитимацию, что также позволяет обойтись без социологических исследований. И, наконец, эксперименты, описанные в работе М.В. Загудуллиной, позволяют сделать вывод о том, что «классическое наследие остается в сознании реципиентов в “свернутом” виде, вполне адекватном существующим научным представлениям о нем»²

Чеховский миф, как и любой другой писательский миф, включает в себя далеко не все произведения и факты биографии, в сознание реципиентов они проходят «проверку» на жизнеспособность. Миф заимствует у классической литературы систему ценностей, особенность чеховского мифа – навязанная иерархия нравственных приоритетов. Мифологическая мораль – общепринятая мораль. Причиной тому является релятивность чеховского творчества, которая не выдерживает рецептивного испытания. Такова особенность чеховского мифа в среднестатистическом сознании и массовой литературе. В отношении условно «элитарной» литературы и чеховской критики действует противоположный закон. Чехов становится «неприкосновенным» в силу отсутствия однозначности (как следствие – пошлости) во всем, что касается имени классика. Наконец, следует отметить, что чеховский миф начал формироваться при жизни классика, обрел свои «узнаваемые» черты сразу после смерти, но не остался статичным. Отсутствие однозначных позиций в творчестве Чехова стало причиной уникальности и универсальности чеховского мифа. Миф изменяется в зависимости не только от политической и культурной ситуации, но и от ли-

---

²Загудулина, М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): Автореф. дис. докт. филол. наук/ Загудулина М.В. – Екатеринбург, 2002. – С.21

тературных «потребностей» конкретной личности. Поэтический материал, где личностное начало имеет наиболее открытое проявление, является самым ярким свидетельством выдвинутого тезиса.

Культурная память выбрала не так много мифологических знаков в русской культуре. Главными из них являются Пушкин, Достоевский, Чехов. Как следствие – разветвленные мифы, изменяющиеся в угоду веяниям времени. В период распада системы ценностей существенную переакцентуацию испытывает чеховский миф. Существует несколько причин особого внимания современности к творчеству классика. Чехов – писатель переходного периода, создание знаковых произведений приходится на стык веков. Схожесть историко-культурных ситуаций чеховской эпохи и современности есть провокация мифологической активности. Релятивизм творчества классика становится приемлемым далеко не во всех «матрицах сознания» социума на стыке XIX и XX веков, что становится причиной литературной дискуссии. Чеховский текст в рубежную эпоху стал одним из самых продуктивных в современной литературе. Это объясняется как актуальными «малыми формами», так и первыми проблесками взаимодействия «хаоса бытия» и «культурной пленки» в творчестве Чехова. Активность литературных модификаций и деконструкций чеховского текста является стимулом мифологической креативности. И, наконец, существует «внечеховский» комплекс причин, который заключается в осознании кризиса культуры и провоцирует попытки посредством мифа сформировать новую модель мира. Миф является «удобным» языком создания законов и принципов внеисторических моделей поведения, разрушает пространственно-временные границы. И в этом смысле чеховская художественная парадигма, выводящая человека из пространственно-временных рамок быта на уровень общечеловеческого содержания, на уровень бытия, превращает классика в один из главных знаков русской писательской мифологии.

Поэзия становится самым активным «мифопользователем» и «мифо-производителем». Во-первых, это объясняется тем, что поэзия в российском культурном пространстве является основной формой самовыражения личности. Русская культура в рубежную эпоху не раз испытывала мощные поэтические всплески. Так было в начале XX века, когда не только модернизм «серебряного века», но и полупрофессиональная поэзия Пролеткульта реагировали на слом в сознании носителей культуры, формировали посредством мифа новые модели мира. Культурная ситуация в начале XXI века также определяет поэзии особую роль «мифопроизведения» и «мифовоспроизведения», изменилось только место. Поэзия из литературных салонов и кафе переместилась на страницы Интернет-порталов. Во-вторых, поэтическое сознание в особой степени нуждается в идеале. Поэтому «реальный» писатель в огромном количестве стихотворений наделяется чертами культурного героя, то есть героя мифологического. Потребность в идеале является причиной редукции с одной стороны и причиной форми-

рования новых мифологически прямолинейных смыслов с другой. Содержательная сторона чеховского мифа является одним из главных источников представлений о содержательной стороне сознания носителей культуры.

Тема диссертационного исследования предполагает проблему поэтической интерпретации прозаического и драматического текста. Во-первых, следует сказать об особой поэтической составляющей чеховского творчества. Размышляя о мифологеме «вишневого сада» В.Б. Катаев указывает на то, что поиски классического «мифологизма» не дают исчерпывающего понимания сути явления. Для драмы Чехова, по мнению исследователя, это «известный поэтический ключ»³. Для мифологического мышления род литературы не имеет принципиального значения. Чеховский текст изобилует особыми поэтическими кодами, «символогенными» формулами, которые таят потенциально мифологические смыслы. Поэтический код – способ понимания творчества Чехова. Редуцированный поэзией поэтический код – мифологема, содержательная единица чеховского мифа. Как следствие, проза и драма Чехова является источником «идиолектизмов», рецептивной лексики для современной поэзии.

На основе элементарной частотности можно составить своеобразный словарь чеховского мифа. Его содержание есть содержание мифа. Среднестатистическое сознание (по терминологии Загидуллиной) оставило определенный набор чеховских стереотипов. Внешность Чехова сохранилась в сознании показательными «пенсне» и «бородкой» (узнаваемый портрет из школьного кабинета литературы). Особую роль играет мифологема «Доктор Чехов». Творчество представлено набором потенциально мифологических знаков: Каштанка, крыжовник, человек в футляре, дом с мезонином, вишневый сад, чайка, три сестры, «В Москву...», небо в алмазах, звук лопнувшей струны, «в человеке все прекрасно», «выдавливает раба», «их штербе», ружье на стене, стук топора и др. Как видим, «словарь» является следствием школьной программы и содержит преимущественно текст драмы. Это объясняется указанными «поэтическими ключами» чеховской драмы, полями пустоты и непроявленных смыслов, которые стимулируют мифологическую деятельность. Чеховский миф обладает определенным набором сюжетных линий, на основе которых можно выделить разветвления в его структуре. Мы предлагаем следующие сюжетные стратегии:

- биографическая: интеллигент, доктор – лекарь человеческих душ, гуманистический поступок (поездка на Сахалин) и плата (болезнь и смерть);

- творческая: противоречия между заявленным Чеховым «художник и только» и социальной составляющей творчества;

---

³ Катаев, В.Б. «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии // «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад»: Чеховиана. - С. 15.

- гуманистическая: Чехов как нравственный императив социума, борец с пошлостью;

- научная: релятивность чеховского творчества, всеприемлемость.

В работе будет показано как указанные сюжетные стратегии реализуются в поэзии периода деконструкции системы ценностей.

Предметом исследования является сформировавшийся миф Чехова в современной литературе в актуальном и смысловом выражении в тексте. Особое внимание уделяется функционированию мифа в художественном произведении, но в работе отмечается, что формирование и воспроизведение мифа не ограничивается рамками литературы. Миф не является единственной формой взаимодействия чеховского текста и современной поэзии, поэтому в работе исследуются другие механизмы литературного диалога, которые приводятся в качестве сравнения с самой распространенной парадигмой внедренности текста классика в современную культуру.

Миф по-разному реализуется в разных матрицах сознания. Поэтический материал позволяет увидеть разницу в восприятии и интерпретации чеховского мифа интеллигентским, постмодернистским и метафизическим сознанием. Этим фактом определяется структура работы.

Объектом исследования выступают стихотворения современных поэтов, написанные в 1990-х – 2000-х годах. В целях более полного раскрытия особенностей реализации чеховского мифа мы включили в диссертационное исследование работы уже признанных поэтов: Л. Лосева, Т. Кибирова, А. Кушнера, В. Некрасова, И. Бродского. Выбор этих поэтических произведений в качестве материала исследования объясняется стремлением наиболее разносторонне представить механизмы проникновения мифа в художественную литературу. Материал позволяет определить различия и сходства в функционировании чеховского мифа в массовой и элитарной литературе, кроме того, историко-функциональный характер проблемы требует исследования разнородного материала. Выбранные произведения во многом отражают текущий литературный процесс в пределах репрезентативности темы исследования. Разнородность поэтического материала позволяет оценить целостность и в то же время уникальность функционирования мифа Чехова в каждом произведении и литературном направлении, а также выявить полноту содержания мифа и причины его возникновения. Стоит отметить, что в диссертационное исследование вошла лишь небольшая часть собранных нами современных поэтических произведений, реализующих чеховских миф. Распространенные чеховские реминисценции отражены в десятках стихотворений на страницах популярных поэтических Интернет – ресурсов, каждый «чеховский» город (Таганрог, Чехов, Ялта) насыщен сотнями лирических посвящений в местной периодике и музейных вестниках. Выбор пал на произведения, которые наиболее показательны в отношении той или иной сюжетной стратегии чеховского мифа.

Цель диссертационного исследования заключается в рассмотрении специфики художественной интерпретации чеховского мифа в поэзии периода деконструкции системы ценностей.

В процессе достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

- определить структуру чеховского мифа и обозначить основные причины его возникновения в сознании носителей русской культуры;
- проследить особенности рецепции Чехова в интеллигентском сознании (поэзия – версификация);
- проследить изменения чеховского мифа в постмодернистском сознании;
- проследить интерпретацию чеховского мифа в метафизическом сознании И. Бродского;
- определить степень обновления чеховского мифа в поэтическом сознании.

Актуальность исследования. Тема «Чеховский миф в современной поэзии» является актуальной по нескольким причинам. Во-первых, она находится в русле одного из приоритетных направлений современного литературоведения. Изучение литературы в рецептивном аспекте становится необходимостью в результате огромного влияния классической литературы на сознание современного носителя культуры. В то же время чеховский текст предстает предельно редуцированным и искаженным, то есть мифологическим. Современная наука все чаще говорит о том, что русская логоцентричная культура содержит в себе исключительно литературные мифы. Во-вторых, тема позволяет определить значение творчества Чехова в формировании духовной доминанты современности и новейшей литературы вообще. В-третьих, возникает потребность не только в описании процессов редукции в ходе восприятия чеховского творчества, но и в определении функций и причин этого явления. Поэзия позволяет постичь масштаб мифологизации классического литературного наследия, коим, безусловно, является чеховское творчество, и увидеть судьбу ценностно значимых произведений в российском интеллектуальном пространстве.

Научная новизна исследования обусловлена прежде всего обращением к новому материалу. Из всех поэтических произведений, использованных в работе, в контексте чеховского творчества описывалось только стихотворение И.А. Бродского «Посвящается Чехову». Многие тексты вообще не упоминались в исследовательской литературе. Феномен чеховского мифа достаточно не изучен, хотя это понятие уже закрепилось в современном чеховедении. В отношении чеховского мифа используется не только рецептивный аспект, то есть исследование восприятия творчества классика, но и генезис этого явления, что позволяет наиболее полно описать обозначенную проблему. Процесс мифологизации Чехова частично описывался в некоторых работах, касающихся взаимодействия классика и

современности. В частности, в диссертационной работе А. Щербаковой «Чеховский текст в современной драматургии». Наша работа находится в ряду исследований, посвященных писательскому мифу, среди которых стоит выделить труд М.В. Загидуллиной «Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (Творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте)». Наиболее изученными аспектами темы являются теории мифа и процессы влияния классических текстов на современную литературу, но все, что касается конкретики (реализация чеховского мифа в современной поэзии), остается нетронутым литературоведением.

При исследовании текущего литературного процесса мы пытались по возможности избегать описательности, поэтому в работе используются следующие **методы**: сравнительно-исторический и структурно-семантический, рецептивный, мифологический. При исследовании отдельных поэтических произведений мы пользовались функциональным анализом. В рассмотрении способов литературного взаимодействия учитывались отдельные положения теории интертекстуальности.

Теоретическая основа исследования связана, во-первых, с классическими исследованиями по теории мифа Р. Барта, М. Элиаде, А. Лосева, К.-Г. Юнга, К. Леви-Строса и др. Это далеко не полный список исследований мифа. Но, в силу отсутствия определенности и однозначности в отношении этого понятия, возникает необходимость определиться с выбором понимания мифа. Теоретической основой для такого понимания в работе служат труды Ролана Барта. В классификации направлений современной поэзии мы пользуемся исследованиями М. Эпштейна. Теоретической основой в области чеховедения послужили работы А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, А.С. Собенникова, Л.Е. Бушканец, А.Д. Степанова, Э.А. Полоцкой и др. Большое значение для работы имеют классические исследования по теории литературы М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в детальном изучении процессов мифологизации в текущем литературном процессе понятия «Чехов» (именно так – потому что мифологический «Чехов» включает в себя личность писателя в неразрывном единстве с произведениями, героями и идеями). В работе предпринята попытка классификации составляющих мифа на смысловые группы. Подобное деление производится не только на тематической основе, но и по степени мифологической опустошенности изначального литературного факта. Классификация не предполагает разграничений по степени художественной ценности поэтических произведений в связи с тем, что предметом исследования является чеховский миф, а не направления развития новейшей поэзии. В частности, можно выделить стихотворения, ставшие классикой литературы, массовое искусство и сетевую литературу. Многие стихотворения последней не представляют художественной ценности, но могут быть интересны как социальное явление в содержании чеховского мифа и как часть

современного литературного процесса. Литературному взаимодействию Чехова, поэтов-концептуалистов и Бродского посвящены отдельные главы ввиду объема и неоднозначности указанного диалога. Данное исследование позволяет углубить представления об общих путях развития поэзии и о судьбах русской классики в современной культуре.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования могут помочь в дальнейшем изучении реализации чеховского мифа в художественных текстах, а также в изучении других способов взаимодействия чеховского текста и современной поэзии. Кроме того, некоторые наблюдения могут послужить поводом для коррекции содержания литературного образования в целях создания наиболее объективного образа писателя.

Апробация материала диссертации осуществлялась на международных научных конференциях «Молодые исследователи Чехова» (Москва, 2005), «Философия Чехова» (Иркутск, 2006), «Чеховские чтения в Ялте» (Ялта, 2007), а также на внутривузовских конференциях в Иркутском государственном университете и Иркутском государственном педагогическом университете (2005 – 2008 гг.). Основные положения были изложены в публикациях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Чеховский миф в интеллигентском сознании представляет собой две противоположные сюжетные стратегии: сакрализации и карнавализации чеховского образа.
2. Объектом деконструкции в постмодернистской литературе является чеховский миф, но не чеховское творчество. Отказ Чехова от дидактики, релятивность и осознание хаоса бытия сближают классика с современными поэтами.
3. Распространенные представления о «приземленности» чеховского творчества и несовместимости его с метафизическим мировоззрением Бродского являются очередной ветвью чеховского мифа. Трагическое одиночество человека в мире, лишенном определенности, - есть точка схождения двух авторов.
4. Активная манифестация чеховского мифа в современной поэзии является свидетельством потребности современного социума в нравственном императиве, свидетельством кризиса релятивности.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем диссертации составляет 194 страницы, список литературы включает 181 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, намечаются причины обращения современных поэтов к образу Чехова, определяется роль писательского мифа в современном сознании, характеризуется актуальность поставленной проблемы, ее научная новизна и степень изученности, определяются объект и предмет изучения, ставится цель, для выполнения которой намечается ряд задач, определяется теоретико-методологическая основа, описывается теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Структура чеховского мифа, причины и условия его возникновения»** излагаются основные теории мифа, обосновывается выбор исследований Р. Барта в качестве теоретической базы диссертации. Миф, который создает общество о писателе или его произведениях, подчиняется тем же законам, что и любой миф. В нем можно выделить ту же структуру, те же элементы. Согласно структуре мифа, по Барту, в нем есть три главных элемента: смысл (означающее), концепт (означаемое) и значение (знак). В первой главе определяются причины и условия возникновения чеховского мифа: наличие классика в школьной программе, «рубежное» положение Чехова в русской культуре, творческие особенности и значение чеховского образа для русской интеллигенции. Называются биографические и исторические условия, которые способствовали формированию и широкому распространению чеховского мифа.

Во второй главе **«Чеховский миф в интеллигентском сознании (поэзия – версификация)»** рассматриваются особенности поэтического воплощения чеховского мифа в современном интеллигентском сознании. Стихотворения, анализируемые в этом разделе, представляют рецептивную *версию* текста (поэзия – версификация), которая, в отличие от креативной, является реальностью вторичной, не творческой, а читательской.

В параграфе 2.1 **«Стихотворения о Чехове»** исследуются процессы мифологического искажения образа писателя на материале «сетевой литературы» (Шувалов «Чехов», Н. Красильников «На улице Чехова...», Л. Марголис «Доктор, вернитесь», Л. Малкин «Ялта. Чехов», Н. Зимнева «Чехов», С. Волжский «Доктор Чехов» и др.). Выделяются признаки Интернет-поэзии: коллективность, восприятие предшественников как такой же коллективный образ, агрессивность, декларативность и др. В современном интеллигентском сознании параллельно реализуются противоположные сюжетные стратегии: мифологизации и демифологизации, возвеличивания образа Чехова и профанации (карнавализации), научно-исторического анализа и мифологического синтеза. В отправной точке создания мифа – «писатель Чехов», слово «писатель» имело более веское значение, чем слово «Чехов». В чеховском мифе денотативный план значения в значительной мере подавляет коннотативный. Интеллигентское сознание создает проекцию своих потребностей

в чеховском мифе: «Чехов-воин» как противостояние представлениям о «бескулачной» добродетели, «Чехов-совесть» как реакция на процесс ценностного распада в современном обществе, «Чехов-доктор» как следствие ощущений болезненности нравственного состояния социума. Образ писателя, со всеми коннотациями, начиная с древнерусской литературы, до сих пор остается для российского сознания «сверхчеловеком». Миф есть слово, а логоцентризм русской культуры в XXI веке так же значим, как и в те времена, когда «слово было от Бога». Значение этого мифа (то есть сам миф) остается неизменным, но меняются его содержательные ветви. Различия в поэтических произведениях определяются уровнем «серьезности», масштабами социальных претензий автора и осознанностью отношения к мифологичности подобной литературы в современности.

В параграфе 2.2 «**Стихотворения о произведениях Чехова**» исследуются произведения современной поэзии, которые можно условно объединить под названием «Перечитывая Чехова» или «Как сказал Чехов». Поэтические произведения по мотивам чеховских текстов являются частью мифа о Чехове. Авторы (И. Сидоренко, А. Елинский, Н. Шапарев и др.), говоря о героях произведений классика, часто говорят, по сути, об авторе этих героев. Основная тема стихотворений – тайна творчества, поэтому, несмотря на заявленные в поэтических произведениях «обновления» чеховских сюжетов, основному «обновлению» или упрощению подвергается Чехов, что является одной из черт писательского мифа. «Чехов-творец» в окружении своих героев есть следствие попытки интеллигентского сознания сформулировать определение творчеству. Современность диктует появление «востребованных» проблем в этом определении: проблему вторичности слова и власти автора над своими героями.

В параграфе 2.3. «**Миф о Чехове как миф об интеллигенции**» рассматривается история взаимоотношений Чехова и русской интеллигенции, чеховского мифа и мифа об интеллигенции. Первым поэтическим откликом на творчество Чехова был поэтический сборник, вышедший после смерти классика. Поэты, принадлежащие к интеллигентской среде, восприняли смерть Чехова как личную трагедию. Полупрофессиональная литература того времени воплощалась именно в подобных литературных формах. Беллетристы начала века начинают формирование мифа о Чехове, в ограниченной поэтическими канонами форме происходит первое обобщение и упрощение образа классика. Намечен первый штрих биографического мифа. Во второй половине XX века классическое чеховское представление об интеллигентности начинает меняться. В шестидесятые годы литературное общество (имеется в виду не массовая литература) стремится к деполитизации. Самые обычные человеческие ценности, максимально далекие от политической окраски, выходят на первый план. Тема «Чехов-друг» стала новым воплощением этого мифа. Если в советский период истории «думающий» гражданин был «невыгоден» идеологически, то в со-

временном мире абстрактные мысли смешны и «невыгодны» коммерчески. Понятие «престижности», которое вводит современная потребительская идеология, превращает образ интеллигента в устаревший и пародийный. Как следствие, изменяется отношение к Чехову, как «типичному» русскому интеллигенту. Появляются откровенно издевательские стихотворения, в которых интеллигентность Чехова представляется как его «несостоятельность». Образ интеллигенции, обозначенный именем «Чехов», с начала XX века, становится мифологическим. Анализ стихотворений позволяет сделать вывод о том, что образ Чехова-интеллигента предельно упрощается и искажается в беллетристике прошлого века. Миф Чехова изменяется в зависимости от изменения нужд и настроений интеллигенции. Эволюция мифа в поэзии XX века свидетельствует о его недолговечности и исторической зависимости. Интеллигентское сознание, наделившее Чехова чертами мифического героя, «эксплуатирует» этот образ, приписывая ему коннотации, выгодные в той или иной исторической ситуации. Политические взгляды авторов поэтических произведений подкрепляются именем «Чехов», вне зависимости от близости этих взглядов самому Чехову. «Иконический» и чрезмерно пафосный миф о классике явился причиной появления откровенно непристойных поэтических произведений, целью которых является развенчание величия «мифического героя».

В параграфе 2.4 «**Чехов как идиолект современной поэзии**» речь идет о поэтах и стихотворениях, которые имеют наименьшее отношение к Чехову. Сегодня, наряду с фольклором, идиомами античности, в языке современной культуры существуют идиомы русской классической литературы. Чехов, как неотъемлемая часть этой литературы, растворяется в языке современности. Несмотря на акцентуацию авторства, Чехов в текстах версифицированной поэзии остается только на уровне языка, не индивидуально-авторского, а общенационального идиолекта. Стоит отметить однообразие литературного остатка: в человеке все прекрасно, ружья на стенах, выдавливает раба, небо в алмазах, не говоря уже о чайке и прилагательном «вишневый», которые в поэзии неизбежно влекут чеховский культурный след.

В третьей главе «**Чеховский миф как объект деконструкции и постмодернистской игры**» рассматривается особенность реализации чеховского мифа в творчестве Т. Кибирова и поэтов-концептуалистов. Постмодернистское поэтическое сознание, помимо «привычной» деконструкции и сознательной редукции чеховского текста, выделяет близкую себе содержательную сторону в чеховском мифе. Чехов – первый из русских классиков почувствовал хаос бытия, который прикрывается «тонкой пленкой» культуры. Эта тема, безусловно, присутствует в творчестве Чехова, но не звучит столь однозначно, как в постмодернистской литературе.

Параграф 3.1. «**Поэзия Тимура Кибирова: миф о вишневом саде и крыжовнике**» является исследованием литературного диалога Чехов –

Кибиров. Мифологемы «крыжовника», «вишневого сада» и «усадыбы» вообще являются одними из самых распространенных в творчестве поэта («История села Перхурова», «Усадьба», «Послание Л. Рубинштейну», «Послание Ленке» и др.). Миф гласит: «Чехов боролся с мещанством и пошлостью». Именно эта сюжетная линия в творчестве Кибирова подвергается деконструкции. Отношение к мещанству, столь однозначно отрицательное в мифе, получает новое смысловое и оценочное наполнение. Результатом «бурной истории», постоянной вражды XIX и XX века с мещанским стереотипом становится его привлекательность, созданная во многом классической русской литературой, вопреки всем ее стараниям это мещанство искоренить. Мещанский стереотип в творчестве Кибирова включает в себя целый ряд произведений русской классики. Усадебный топос в ней основной, но чеховская пьеса («Вишневый сад») является отправной точкой для другой жизни и другой литературы, где герой будет лишен не только покоя, но и приюта. Чехов для Кибирова не только текст мертвый, словарь цитат и аллюзий, но и источник основной идеи поэта, если можно говорить об идейности поэзии Кибирова. Внимание к быту, формирование усадебного рая – все это сближает двух авторов. Возникает вопрос о принципиальной разнице мифологем крыжовника и вишневого сада. В творчестве Кибирова этой разницы просто не существует. Для жителя XX века дворянское гнездо и сад становятся утопией и литературным воспоминанием, а крыжовник дачной реальностью. И в этих культурных знаках наблюдается не столько противоречие, сколько преемственность. Эта преемственность была заложена в творчестве Чехова.

В параграфе 3.2 «**Чехов в каталоге стереотипов. (Миф Чехова в творчестве Л. Рубинштейна, А. Монастырского, В. Некрасова)**» обосновывается сходство в отношении Чехова и поэтов-концептуалистов к «языковым окаменелостям».

Чехова и Рубинштейна сближает интонация, а точнее – ее отсутствие. Абсолютная атональность речи превращает произведение в ожидание. У Чехова – ожидание катастрофы и крушения судеб, у Рубинштейна – ожидание конца стихотворения, конца «говорения» как конца монотонной энергии, власти энтропии.

Тон Монастырского – это тон мемуаров, но не с восторгом от знакомства с великим, и не с показной дружественностью и фамильярностью, а с усердием секретаря, который записывает все происходящее. В «поле зрения» «записывающего» одинаково безличны события, лирика в виде блеска снежинок и личности. Отсутствие эмоциональной окраски, какого-либо намека на авторскую позицию, авторское отношение к классикам лишает образ Чехова и других мифологического искажения, превращает классиков в «незнакомцев» с фотографии на стене.

Отрешенность речи от обстоятельств в пьесах Чехова, тотальная «неуместность» речи чеховских героев превращается в речевую пустоту у

Всеволода Некрасова. Особенность речи героев чеховских пьес действительно созвучна стихотворениям В. Некрасова и концептуальной поэзии вообще. Автор стихотворения не связывает его с идеями пьесы Чехова, однако заимствует «речевую характеристику» и превращает ее в содержание. Потеря смысла языковых форм начинается с потери смысла говорить, с потери единого ощущения осмысленности жизни. Так было у Чехова. В эпоху Некрасова говорить о потере смысла существования «поздно», смысл жизни сводится к автоматизму жить и говорить. Частицы смысла в стихотворениях поэта превращаются в частицы как части речи, в присказки, считалочки, в сознание, которое «завязло» в языковых штампах. Эпиграфы из Чехова в стихотворениях В. Некрасова сливаются с произведениями поэта, обнаруживая смысловую или бессмысленную идентичность.

К концу XX века чеховский текст тоже стал современным идиолектом, то есть самой «мелкой» единицей писательского мифа. Идиоматичность лишает язык классика свежести. Чеховское слово страдает от избыточного употребления, от мифологической нагрузки, но «концептуализм – это новая форма условности, открытая по ту сторону мифа, разлагающая всякую целостность как ложную и неорганическую»⁴ Поэзия концептуалистов не всегда эксплуатирует чеховский миф, часто объектом «заимствования» становится язык классика, но это язык, который миф определил «для общего пользования», то есть та часть языка, которая исказилась и упростилась.

В четвертой главе **«Чеховский миф в метафизическом сознании (Чехов и Бродский: реальный и мифологический диалог)»** исследуется многоплановость литературного диалога Чехов – Бродский и особенность реализации чеховского мифа в метафизическом сознании Бродского.

В параграфе 4.1. **«Мотив предательства Христа в пасхальных рассказах Чехова и в произведениях Бродского»** сопоставляются пасхальные рассказы Чехова («Студент», «Архиерей», «Святою ночью») и стихотворения Бродского («Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...», «24 декабря 1971 года», «Натюрморт», «Колыбельная», «Рождественская звезда» «Разговор с небожителем», «Горбунов и Горчаков»). Анализ позволяет сделать вывод о том, что схождение Чехова и Бродского происходит не только на идеологическом уровне, но и на уровне лексики и ритма. Авторов сближает проблема преодоления пропасти между совершенством и реальностью, и решается эта проблема по-чеховски: в художественном мире грань стирается, ощущение греховности исчезает, человек (даже Иуда) становится апостолом, потому что отрицание совершенства есть форма существования его в земной жизни. Распространенные представления о «приземленности» чеховского творчества и несовместимости его с мета-

---

⁴ Эпштейн, М.Н. Постмодерн в русской литературе/ М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2005. – С.164

физическим мировоззрением Бродского являются очередной ветвью чеховского мифа.

В параграфе 4.2. «Стихотворение «Посвящается Ялте» как реакция на чеховский текст» произведение Бродского рассматривается как реакция на пьесу Чехова «Чайка». Детективная история Бродского опирается на произведение Чехова, этому свидетельствует и «чеховский топос» и многие вещественные реалии пьесы классика. Самоубийство героя Чехова оборачивается убийством в стихотворении Бродского, что напоминает о пьесе Акунина «Чайка». Э. А. Полоцкая говорит об открытых финалах у Чехова: «Тенденция развития чеховской драмы – в постепенном отказе от физической гибели героя. Началось с убийства Платонова, чувствовавшего себя «лишним», а кончилось трагикомической готовностью к самоубийству пародийного персонажа – Епиходова. Аналогично и движение в пьесе к открытым финалам – от определившихся в целом судеб, иногда с монологами итогового характера («Дядя Ваня», «Три сестры») до неопределенного будущего большинства героев «Вишневого сада», в котором роль философского монолога заменяют лаконичные реплики о жизни – «старой», «новой», промелькнувшей («словно не жил»)»⁵ Каким же образом в эту тенденцию вписывается финал «Чайки»? В пьесе Чехова предлагается самоубийство без виноватых или самоубийство, где виновны все, но самое главное: смерть героя не объясняет ничего. «Никого не обвинил, никого не оправдал»⁶, - как говорил сам автор по поводу другой пьесы. Замена самоубийства на убийство – это уже прямое обвинение. А если обвинять можно многих, то это уже детектив. Значит, этот жанр потенциально заложен в тексте и легко извлекается из «Чайки». В таком контексте (Бродского, Акунина) убийство и самоубийство становятся антонимами, как однозначность и многозначность. В чеховском тексте заложена возможность детектива, но ее реализация приводит к абсурду. «Посвящается Ялте» Бродского – это ирония по поводу жанра, предчувствие его главенства в массовом сознании, это произведение – предтеча акунинской «Чайки», результат того, что «к жизни нас приучили относиться как к объекту умозаключений»⁷. В отличие от Б. Акунина, Бродский иронизирует не только над игрою, но и над возможностью играть в такую игру. Довести до абсурда и назвать все это абсурдом и бредом – значит вернуться к началу, то есть к финалу «Чайки» А.П.Чехова. Подтекст есть чеховское новаторство. Экзистенциальная проблематика, свойственная обоим авторам, конкретизируется в одной формуле: творчество есть выявление трагического подтекста существования.

Параграф 4.3 «Миф о чеховской драме и прозе в стихотворении И.А. Бродского «Посвящается Чехову». Стихотворение «Посвящается

⁵ Полоцкая, Э. А. О поэтике Чехова./ Э.А. Полоцкая. - М., 2001. С. - 111.

⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т., М.: Наука, 1974-1982. - Т.XVI С.138.

⁷ Бродский И. Избранные стихотворения. М., 1992. - С. 127.

Чехову» является самым показательным в исследовании диалога писателей. В разделе привлекается не только текст чеховской драмы, который актуализируется в произведении Бродского, но и прозаические произведения («Дом с мезонином», «Дуэль», «Дама с собачкой» и др.). В стихотворении «Посвящается Чехову» «деконструируется» не чеховское творчество, а мифологические представления о чеховской драме. В то же время, мы утверждаем, что в стихотворении «Посвящается Чехову», наряду с возможным неприятием драмы, есть очевидное сходство жизненных и художественных позиций двух гениев. Особенно ярко сходство проявляется при сопоставлении поэзии Бродского и прозы Чехова. Ситуации в прозе Чехова, предполагающие эротизм, оборачиваются мыслями об одиночестве. На основе этой подмены напрашивается вывод: чеховский эрос есть реакция на трагическое одиночество. Эрос есть причина и следствие одиночества. В этом моменте «Посвящается Чехову» есть открытие «другого» Чехова. Смещение топосов чеховской усадьбы и советской дачи в произведении Бродского позволяет говорить о ностальгии поэта. Детали XX века кажутся чужеродными в тексте и явно «проигрывают» по изящности и тонкости в художественном плане, а потому отношение Бродского к творчеству Чехова есть очередное дополнение к теме «усадебного рая». Кроме этого, между двумя гениями есть «посредник». Таковыми являются массовое сознание, история чеховской критики и история чеховского театра, а значит – миф. Тем не менее, подобное утверждение существенно ограничивает масштаб литературного диалога Чехов-Бродский. Наиболее важным сближением мы считаем отношение двух авторов к человеку, к «мимолетности» человеческой жизни. Несовершенство человека в отношении христианских идеалов, краткость и «непознанность» жизни увеличивают цену каждого мгновения. Неповторимость каждой минуты и каждой детали странным образом повторяются в отдаленных веком временах и историей пространствах.

Чеховский миф в интеллигентском воплощении создает максимально «закругленный» (по Эпштейну) образ писателя. Если стихотворение Бродского есть реакция на мифологическую реальность интеллигентской среды, то «острые углы» чеховской драмы, проявившиеся в «Посвящается Чехову», являются попыткой освободиться от навязчивой безгрешности образа интеллигентской иконы. Чеховский миф похож на любой другой писательский миф, но в нем есть одна характерная только для чеховского образа черта. Если мифологическое мышление в писательских образах классического пантеона русской литературы акцентирует и преувеличивает характерные черты, то в чеховском образе интеллигентское мифологическое сознание предельно сглаживает неровности, стремясь лишить знак «Чехов» малейшей определенности (то есть угрозы пошлости).

Демифологизация писательского образа выбирает сюжетную стратегию дегероизации, но в чеховском мифе эта смысловая ниша занята интел-

лигентской недосказанностью и неопределенностью. Как следствие – разрушение мифа превращается в постановку точек и акцентуацию невыраженных черт чеховских героев. Этим объясняется откровенность и «определенность» чувств и мыслей героев стихотворения Бродского. В откровенности скрыта мысль о трагическом одиночестве чеховских героев и человека вообще в мире, потерявшем определенность.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Поэзия представляет особый способ интерпретации чеховского мифа. В главное противостояние включаются академические представления о релятивном, «невысказанном» Чехове и родовая потребность поэзии в определенном «высказанном» идеале. Чеховский миф, столь активно реализующийся в поэзии, является признаком кризиса релятивизма и свидетельством потребности сознания современного социума в определенности. Деконструкция системы ценностей последних десятилетий исчерпала себя. Активное «мифотворчество», которое всегда выполняло миромоделирующую функцию, есть знак потребности сознания носителей русской культуры в непререкаемых ценностно-значимых образах, то есть знак потребности в *восстановлении и определении системы ценностей*.

Умозрительная реальность, коей является миф, коей является русская культура, может говорить только о самой себе. «Миф, - по словам Льва Анненского, - неотделим от реальности. Он так же страшен, как она, и так же неотвратим, потому что кроме этой общей реальности у нас ничего нет. Это "ничего" — продолжение того, что для нас — «всё»⁸ Личностное начало в литературе, несмотря на неизбежность классических рецепций, единственное, что выводит автора за рамки мифа. Лирика является непрерывной борьбой частного, единичного с общим, универсальным. Если «чеховский миф» не о Чехове, то ему необходимо отвести «заслуженную» функцию – служебную. В творчестве талантливых поэтов миф становится «вспомогательным» средством для диалога с социумом и решения собственных художественных задач. Практически все теоретические исследования сходятся в одном: миф есть единственная реальность. Чеховский миф является общей реальностью: народной, исследовательской, поэтической. И только наличие, вкупе с общей, реальности собственной, обеспечивает появление литературы, литературного диалога писателей, диалога эпох сквозь пространство и время.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. *Бондарев, А.Г.* Миф Чехова в поэзии Тимура Кибирова/ А.Г. Бондарев/ Вестник Бурятского государственного университе-

---

⁸ Аннинский, Л. «Наше всё» – наше ничего? Мифотворчество на прицеле у мифоборчества [Текст]/ Лев Аннинский. – День литературы. – 2002. - № 1. – С. 14

- та: филология. – Улан – Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. - №7. – С. 184 – 188
2. *Бондарев, А.Г.* Мотив «предательства» Христа в пасхальных рассказах А.П. Чехова и в произведениях И.А. Бродского/ А.Г. Бондарев/ Молодые исследователи Чехова 5: материалы международной научной конференции (Москва, май 2005 г.). – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 246 – 254.
  3. *Бондарев, А.Г.* «Чайка» требует детектива (стихотворение И. Бродского «Посвящается Ялте» как реакция на чеховский текст) /А.Г. Бондарев/ Судьба жанра в литературном процессе: сборник научных статей. – Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2005. – №2. – С. 30 – 35.
  4. *Бондарев, А.Г.* Миф о Чехове как миф об интеллигенции (на материале современной поэзии)/ А.Г. Бондарев/ Три века русской литературы: сборник научных статей. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. педуниверситета, 2009. – Вып.19. – С. 42 – 53.